

Помни обо мне

Оригинал <http://www.fimfiction.net/story/195065/remember-me>

Когда Спайк впервые увидел ее, он был в больнице.

Он не был болен, да и она была в порядке. Дракон в компании пони пришел проводить Рэйнбоу Дэш: пегаска в очередной раз неудачно выполнила новый трюк. И хоть в этот раз все было не так уж плохо, они все равно хотели быть рядом с ней. Для этого, в конце концов, и нужны друзья.

Он не мог понять, что эта пони здесь делала.

— Эй, мисс, что вы здесь делаете?

Кобылка с кремовой шерсткой и алой гривой прошла мимо, ему казалось, что она его совсем не замечает. Она явно была не от мира сего: ее взгляд был пустым, а на лице была странная улыбка. И все же она двигалась, напевая под нос какую-то мелодию.

— Эм, привет? Я к вам обращаюсь, мисс Пони-Кобылка-Леди?

Она резко остановилась — очевидно, услышала его. Она просто стояла на месте, не поворачиваясь. Пони не двигалась и ожидала, пока он ее нагонит.

Спайк побежал за ней по линолеуму. Обойдя ее, он, улыбаясь, старался лучше рассмотреть ее лицо.

Это была действительно симпатичная кобылка. Ее лицо светилось юностью, а осанка говорила о зрелости. Спайк не слишком хорошо определял возраст, он только мог предположить, что эта пони была на пару лет моложе Твайлайт и ее подруг.

К его удивлению, незнакомка держала во рту большой букет цветов.

Он мялся и не знал, что сказать. Доктора и медсестры сновали из палаты в палату по своим делам. Никто не обращал на них внимания.

Спайк почувствовал, что его лицо краснеет. Она же просто стояла рядом, и ждала, что будет дальше. Он попытался пошевелиться, но ноги будто приклеились к полу. Затем сделал попытку открыть рот, но губы, как назло, плотно сжались. Дракон покраснел еще больше и смущенно уставился вниз.

Она вежливо улыбнулась ему и продолжила свой путь по коридору. Пони скользнула в ближайшую палату, по-прежнему держа цветы во рту.

Спайк тут же последовал за ней. Он стоял в дверях, удивленно наблюдая, как кобылка кладет ярко-желтую маргаритку на подушку рядом с пожилым жеребцом.

Как бабочка, она выпорхнула из палаты и опять прошла мимо Спайка. Пони продолжила идти по коридору к следующей двери, приготовившись повторить свое действие.

— Подожди! — крикнул он ей вслед. — Что ты делаешь с этими цветами?

Она еще раз остановилась, и на этот раз повернулась к нему лицом:

— Даю их больным пони.

Ее ответ был очень сух и прозвучал так, будто пони находилась за милю отсюда. Напрашивался вопрос:

— Почему?

Ее выражение лица смягчилось, и пустые глаза, казалось, смотрели прямо сквозь него. Губы пони образовали меланхоличную полу-улыбку:

— Чтобы помнили.

Он переминался с ноги на ногу. Спайк ощутил, что он весь напрягся, формируя слова, но кое-как выговорил:

— Чт... что вы имеете в виду?

Она слегка улыбнулась.

Он ответил ей нервным смешком.

Незнакомка подошла к нему. И вытащила один цветок из букета — красную розу, которую аккуратно поместила в его протянутую руку.

Спайк посмотрел на диковинный цветок. Это было легко, ведь в длину он был равен его руке, может чуть больше. Первыми его внимание привлекли лепестки, тонкие и роскошные. Он начал трогать один из них когтем, но отдернул руку, как будто цветок мог рассыпаться от прикосновения на миллион кусочков.

Затем он заметил шипы. Они были маленькие, но острые. Сначала он не обратил на них внимания, но они казались еще более привлекательными, чем лепестки.

Он медленно прикрыл глаза, сжимая розу в кулаке.

Когда он снова открыл их, пони нигде не было видно. Он с недоверием огляделся кругом, но все следы ее существования, кроме ярко-красной розы, исчезли. Приподняв бровь и улыбнувшись, он отправился назад в палату Рэйнбоу Дэш.

Пусть это и было всего несколько дверей, дорога показалась ему длинной. Он запутался — все было будто во сне, но то же время ясно виделось. Он не знал, что думать или делать.

Кто была та кобыла?

Он резко затормозил у двери палаты Рэйнбоу Дэш. Вздохнув поглубже, Спайк вошел внутрь.

Твайлайт первой заметила его появление:

— Спайк, по каким закоулкам Эквестрии тебя носило? Я думала, ты просто вышел попить, а не отправился в путешествие в Кристальную империю и обратно.

Все повернулись к нему. Их глаза прожигали его, и он ощутил такую тяжесть, будто весь мир взгромоздился на его плечи. Его беззаботное выражение внезапно сменилось хмурым взглядом.

И тут он почувствовал розу в своей руке. Он спрятал ее за спиной, чтобы их никто не заметил. Ему сейчас только вопросов еще не хватало.

— Ну? — спросила Твайлайт. — Где тебя целый час носило? Мы волновались за тебя, Спайк.

Дракон слегка пнул пол правой ногой, подняв в воздух немного пыли.

Он посмотрел вверх, встречаясь с пристальным взглядом:

— Нигде.

Спайк плелся вниз по улице, драматично шаркая ногами. Сердито хмыкнув, он поднял список покупок, и зачитал его вслух.

«Дюжина маффинов
Два галлона сидра
Один бушель яблок
Две буханки хлеба...»

Список продолжался все ниже и ниже. И один пункт в самом конце списка его заинтересовал.

«И один букет нарциссов (для Рэйнбоу)»

— Нарциссы? — воскликнул он. — Но Рэйнбоу не любит цветы!

Со стоном он закатил глаза:

— Она едва поцарапала крыло. Что все с ней так носят? Да я почти уверен, что она просто притворяется.

Завершив тираду, Спайк пожалел о сказанном. Это было слишком резко и несправедливо. Черт, да находясь в ее положении, он рассчитывал бы на то же самое.

Но все эти мысли не изменили его чувств.

Со вздохом он подошел к ближайшему прилавку на Понивилльской площади: цветочному.

Он еще раз сверился со списком того, чего хотела Твайлайт. Не отрываясь от него, он спросил:

— Эм, мне букет нарциссов, пожалуйста.

Посмотрев вверх, он увидел ту самую пони, которая стояла перед ним днем ранее. Он удивился — разве она не работала в больнице?

Она смотрела на него, ее глаза были такими же пустыми, как раньше. Улыбнувшись ему, она кивнула. Наклонившись под прилавок, пони достала стеклянную вазу среднего размера. И ловко поместила туда тринадцать цветов, по-видимому нарциссов.

Спайк улыбнулся ей, когда та закончила:

— Спасибо! Так, эм-м-м, сколько с меня?

Она подумала и спросила:

— Для кого они?

Подняв голову, дракон ответил:

— Для Рэйнбоу Дэш. Почему ты спрашиваешь?

Она пару раз махнула хвостом и наострила уши. Улыбаясь, она сказала:

— В таком случае ты мне ничего не должен.

— Но я должен заплатить хоть как-то. Я не могу взять цветы бесплатно. Можно подумать, что я вор?

Она дважды моргнула, затем усмехнулась:

— Успокойся. Деньги это не главное.

— Как скажете, мэм.

Ее выражение успокоилось:

— Не хочу тебя задерживать. Увидимся, Спайк. Хорошего дня!

— Да, увидимся, — повторил Спайк, пребывая в растерянном состоянии.

Дракон повернулся и сделал несколько шагов вперед, прежде чем остановится. Почесав голову, он пробормотал:

— Стоп, что она имела в виду, говоря «увидимся?» И откуда она знает, как меня зовут?

Спайк снова повернулся, она все также смотрела на него безучастными глазами.

— Пойдите, как вас зовут? — спросил он.

Она печально улыбнулась:

— Роузлак. Меня зовут Роузлак.

Жесткие стулья. потемневшая белая краска. Стерильно, холодно и одиноко. Так одиноко.

О Селестия, Спайк ненавидел больницы. Рэйнбоу была заперта здесь весь день, но он чувствовал, будто это его поймали в ловушку.

Радужная пони встряхнулась и перевернулась во сне, немного всхлипнув, когда повернулась на поврежденное крыло. Она пробормотала что-то непонятное перед тем, как перекатиться на другой бок, пытаясь вернуться в ласковые объятия сна.

Флаттершай с беспокойством посмотрела на нее. Она нежно погладила пегаску по лицу:

— Просыпайся, Рэйнбоу. Мы кое-что тебе принесли.

Рэйнбоу спрятала голову под подушку, приглушенно пробормотав:

— Нет. Я все еще сплю. Приходите позже.

Флаттершай хихикнула:

— Ну ладно. Если хочешь, чтобы мы ушли, мы уйдем. Увидимся через несколько недель, когда тебе станет лучше!

Пегаска, мгновение назад прикованная к постели, внезапно вздрогнула, рефлекторно отправляя скрывавшую ее лицо подушку через всю комнату.

— Нет, подождите!

Подруги посмотрели на нее. Нервно усмехнувшись, она сказала:

— Эм, хорошо. Вы можете остаться... если хотите.

Остальные переглянулись. Установилась неловкая тишина, прерывавшаяся общим смехом. Рэйнбоу, прижав уши к голове, смущенно посмеивалась вместе со всеми.

Спайк замер подобно статуе, его стоическое спокойствие вызывало тревогу.

— Так, вы сказали, у вас для меня что-то есть? — спросила Рэйнбоу.

— Вообще-то да, есть, — сказала Твайлайт. Она подхватила магией седельные сумки и левитировала оттуда знакомый букет нарциссов. Это были те самые цветы, что Спайк принес с рынка тремя часами ранее.

Твайлайт поднесла букет к Рэйнбоу:

— Девочки и я подумали, что ты можешь захотеть украсить свою комнату, поэтому принесли их тебе.

Лицо Рэйнбоу просветлело подобно зимнему рассвету, который поднимается на горизонте прогоняя холод ночи.

— Вау, это потрясающе! Огромное спасибо, девочки. Подойдите, я вас обниму!

Пятеро пони подбежали со всех сторон к кровати и крепко обняли Рэйнбоу Дэш. Тихая комната наполнилась хором голосов, преисполненных надеждами и пожеланиями.

Спайк чувствовал подступающие слезы. Они могли выступить в любой момент.

Девочки купили цветы для Рэйнбоу Дэш. *Они* делали всю работу. Пони-компания спасала мир раз за разом, всегда получая всю славу.

Это было понятно. В конце концов, только девочки имели значение.

Думая об этом, Спайк снова незаметно выскользнул из комнаты.

Он припал к наружной стене комнаты и медленно съехал по ней к полу, свернувшись в позу эмбриона. Он прижал колени вплотную к груди, и слезы рекой хлынули из глаз. Он закрыл глаза и прижал голову к ногам, пытаясь спрятать свои заплаканные глаза от всего мира.

Всегда было одно и то же. Каждый раз он что-то делал, чтобы помочь, но при этом оставался незамеченным. Другие всегда получали признание, а он был в стороне — потерянный и одинокий. Его всегда использовали, и он не мог этого изменить.

Черт, даже Твайлайт — его лучший друг, и та им помыкала.

Он сильнее прижал колени к груди, стараясь совладать с чувствами, которые накатывали волна за волной.

Не то чтобы остальным хотелось с ним поссориться. Просто так вышло. Так всегда было и будет, букет же был просто верхушкой айсберга.

Пора бы было уже к этому привыкнуть.

Он не хотел.

Со вздохом и всхлипом, Спайк открыл глаза. Совсем рядом, футах в пяти, если не меньше, от него стояла Роузлак.

Запинающимся, тихим голосом Спайк сказал:

— П-привет...

Хмурясь, Роузлак выплонула свой букет на пол: те же самые цветы, которые она так изящно расставляла накануне. Она покопалась в них, в итоге выбрав один определенный цветок.

Осторожно приблизившись, она положила цветок — белоснежную розу — Спайку на колени.

Спайк переводил взгляд с цветка на нее:

— Я... не могу... Я не...

— Ш-ш-ш, — прошептала Роузлак. Она наклонилась и потерлась носом о его щеку, вытирая слезы. Отойдя, она искренне ему улыбнулась. Коротко ему поклонившись Роузлак поплыла дальше по коридору, даря оставшиеся цветы пациентам больницы.

Спайк удивленно смотрел ей вслед. Всю печаль и уныние как ветром сдуло.

Да кто ж она такая?

— Сюрприз!

Рэйнбоу была в восторге, и казалось, что ее восторженное лицо было способно растопить хоть тысячу зим. Она удивленно осмотрела библиотеку, ее взгляд скользнул по транспаранту: «Рады, что тебе лучше!», затем к огромному торту и наконец по окружающим ее друзьям.

— Вау... ребята, вам не обязательно было все так украшать, — выдохнула Рэйнбоу.

— Но нам захотелось, Дэши-Вэши! Каким устроителем вечеринок я бы была, если бы не устраивала вечеринки? — спросила Пинки.

— Неважным, конечно, — произнесла Рэрیتی. — Хотя, тебе малость помогли. Не так ли, дорогуша?

— Д-даа! — согласилась Пинки. — Все участвовали. Твайлайт предоставила библиотеку, Флаттершай и Рэрیتی занимались декорациями, я пекла пирог, и Спайк... Спайк, а что ты делал-то, Спайк?

Дракончик ответил:

— Я убрался в библиотеке до вашего прихода, я купил еду и украшения, и я сделал памятные подарки. И я почти уверен, что после вечеринки Твайлайт заставит меня сделать уборку наверху. Не сказать, чтобы это было важно...

— Да, именно это он и делал! Так что, тебе нравится? Тебе нравится, тебе нравится, тебе нравится?! — напевала Пинки, прыгая вокруг Рэйнбоу Дэш.

— Хех, да, Пинкс! Теперь, давайте начнем вечеринку!

Пинки подлетела к стерео-установке, щелкнув носом кнопку питания. Громкая, веселая музыка полилась через колонки. Наслаждаясь компанией друг друга, пони танцевали в ритме музыки.

Спайк же просто стоял в стороне и смотрел.

В конце концов, он оторвал от них взгляд, не в силах больше терпеть эту вечеринку. Поднявшись, он зашел в спальню и рухнул на свою кровать.

Он еще раз вздохнул, перекатываясь на спину. Пытаясь успокоиться, он уставился в потолок и краем уха слушал долетавшую до него ритмичную музыку. Дракон положил подушку на голову, плотно прижал и закричал во всю силу своих драконьих легких.

Ему отчаянно хотелось почувствовать злость. Он хотел ощутить грусть. Хотелось почувствовать ревность. Ему хотелось попытаться что-нибудь пнуть, кричать и плакать. Хотелось, чтобы захотелось что-то сломать. Да что угодно, лишь бы почувствовать себя живым.

Но он ничего не делал.

Не мог.

Все, что он чувствовал — это *усталость*.

Одни и те же глупости, день ото дня, и он к ним слишком привык. Привязался настолько, что не мог вызвать в себе чувство недовольства, он не чувствовал себя по-настоящему расстроенным. Действительно, он полностью устал. *Устал чувствовать гнев, печаль, зависть. Устал хотеть драться, кричать и плакать. Устал от всего.*

Убрав подушку в сторону, он перекатился на живот. Сжимая и разжимая кулаки, он начал осматривать комнату, лишь бы отвлечься от неприятных мыслей.

Наконец, его глаза остановились на вазе, что стояла на его комод. В ней покоились две увядающие розы.

Прошла неделя с тех пор, как Роузлак подарила ему первую. Он не знал, зачем поместил цветы в хорошую вазу, которую он специально купил. Он поливал их каждую ночь и делал все возможное, чтобы они получали больше солнечного света. К сожалению, как и большинство вещей — они начали слабеть и увядать слишком скоро.

После задумчивого мгновения пустоты, Спайк спрыгнул с кровати и направился вниз. Он обошел шестерку пони и, оставаясь незамеченным, пошел к двери. Он направился в город, минуя Сахарный Уголок, Ратушу и Бутик Карусель.

Он вышел за пределы города и, пройдя через луг, взобрался на холм. На вершине он уселся, сложив ноги. Он вздохнул и выдохнул, отодвигая свои текущие проблемы на задний план.

Солнце только что опустилось за горизонт, окрашивая небо Эквестрии в сине-фиолетовые тона. Вздохнув, он откинулся на спину, позволяя теплему ночному воздуху и прохладной мокрой траве объять себя. Его чувства успокоились, и он слегка улыбнулся.

Перестук копыт разрушил драгоценную тишину, становясь все громче и громче, и прекратился в нескольких футах от Спайка.

Он был не один.

Он знал, что это она. Ему не нужно было смотреть. Он чувствовал ее присутствие, она стояла и ждала.

— Как ты узнала, что я здесь? — спросил Спайк.

Это был глупый вопрос. Он, не прячась, прошел через весь Понивилль, так что она могла легко его заметить и последовать за ним из любопытства. Это могло показаться странным, но он был рад, что его заметили.

Она не ответила. Он, как и она, знал ответ на свой вопрос. Это были ненужные формальности.

Вместо этого она легла рядом с ним.

Поначалу Спайк не знал, что сказать. Нужно ли вообще что-то говорить? Его сердце подпрыгнуло в груди, и он уселся, посмотрев на нее.

Ее глаза были закрыты, и она улыбалась.

Спайк прилег и нежился в приятной тишине. Прикрыв глаза, он заложил руки за голову. Не хотелось ничего говорить, да и нечего было сказать.

Спустя несколько минут он открыл глаза. Он снова чувствовал ее взгляд, но на нее посмотреть не решался. Все те же пустые глаза буравили его.

Спайк не мог вздрогнуть, находясь под ее пристальным взглядом.

— Извини за грубость или что-то в этом роде, но почему ты всегда на меня так смотришь?

Она наклонила голову.

— Ты о чём?

— Ты всегда смотришь так странно, — откровенно произнес Спайк. — Твои глаза кажутся такими... пустыми.

«...»

«...»

— Я слепая.

Неловкое чувство покинуло его, оставив где-то внутри пустоту. С его губ тут же слетели слова:

— Ой, извини! Я не хотел...

— Не кори себя. Порой даже я забываю.

Спайк промолчал минуту. Настроение он уже испортил и опасался сделать что-то похуже. В конечном счете любопытство все равно взяло верх:

— Если ты не возражаешь, можно спросить — как ты ослепла?

Она слабо улыбнулась ему:

— Все путеводные огни ослепляют, Спайк.

Он сел, почесывая голову.

— Постой, что это вообще...

Она нежно прикрыла копытом его рот. Как только пони уверилась, что он больше ничего не скажет, она обернулась, взяла что-то и положила перед драконом.

Он посмотрел вниз на цветок, на изящную розовую розу, его глаза загорелись.

Он снова посмотрел на пони, та ответила ему улыбкой. Не говоря ни слова, она обернулась и пошла вниз через луг в направлении города.

Спайк, не отрываясь, наблюдал ее спуск. Он не хотел говорить, но имя все равно слетело с его языка.

— ...Роузлак...

Спайк смотрел на вазу, полную роз.

Заметить это было трудно, там и замечать-то было почти нечего. Но теперь, заметив, он просто не мог перестать обращать внимание.

Пот стекал по его лбу, и он сильнее прищурился, стараясь удостовериться, что глаза его не обманывают.

Новая роза — изящный розовый цветок — начала увядать.

Прошло всего несколько дней, но она уже поникла между двумя другими. Он перепробовал все, регулировал количество воды и света, но что бы он ни делал — это не помогало.

Внезапно Спайк вздохнул. Мгновение поразмыслив, дракон развернулся и пошел вниз, через кухню прямо к...

— Спайк, ты куда?

Спайк шепотом ругнулся и замер, с рукой на ручке двери.

— Никуда, Твай.

Твайлайт вышла в холл. Она внимательно посмотрела на него.

— Глядя на то, как ты вцепился в дверную ручку, у меня есть некоторые сомнения в твоём «никуда».

— А с чего это тебя внезапно заинтересовало, чем я занимаюсь?

Твайлайт смотрела на него так, будто получила подушкой в лицо.

— Что ты подразумеваешь под «Внезапно заинтересовало»?

— Ну я в смысле что..., — Спайк закатил глаза. — Знаешь, у меня нет времени на треп, — промямлил он и выскочив наружу, оставил дверь библиотеки приоткрытой.

Твайлайт наблюдала за ним, на ее мордочке сменялись гнев и печаль.

Спайк перешел на бег, проносясь мимо домов и пони. Он неся мимо магазинов, пока не добрался до цели. Он бежал и бежал, оказавшись у входа в больницу. Глубоко вздохнув, он вошел внутрь.

Дракон без труда нашел ее. Она все так же ходила по коридору, раздавая цветы. Он остановился перед ней, преграждая путь рукой.

Она остановилась и бросила на Спайка растерянный взгляд.

— Почему?

— Что почему? — спросила она.

— Почему, — повторил он, — ты всегда даришь цветы? Это же бессмысленно. Ты тратишь все свое время, выращивая и ухаживая за ними, только затем, чтобы раздать... Зачем?

— Чтобы помнили, — просто ответила она, вызвав у Спайка чувство дежавю.

Спайк замялся, и его левое ухо дернулось.

— Но почему ты хочешь, чтобы о тебе помнили?

Роузлак повернула голову:

— Помнить должны не обо мне.

— Тогда о ком?

Глаза Роузлак сверкнули, оживая, заставляя Спайка содрогнуться от восторга.

— О них, — произнесла она, описывая круг копытом в воздухе, — все пони заслуживают памяти о себе.

— ... чего?

— Никто не должен быть забыт, особенно в этой больнице. Жизнь жестока — ничто, даже память о них, не бессмертна. В конечном итоге цвета всех пони померкнут. Но, возможно... может быть, мне удастся помочь им продержаться немного дольше.

Спайк чувствовал, как его сердце бьется, ударяясь в грудную клетку, оно буквально вырывалось из груди. Его взгляд испуганно метнулся вокруг, стараясь не встречаться со взглядом Роузлак. Он открыл рот, чтобы попросить ее сказать что-то еще, но передумал.

— Я... мне пора, — пробормотал Спайк, направляясь назад по коридору.

— Постой! — окликнула она его.

Он резко остановился, давая понять, что услышал. Не поворачиваясь к ней, он просто ждал, пока она его догонит.

Она процокала к нему. С большой улыбкой она вложила в его лапу цветок — черную розу. Ткнув носом в его щеку, она вернулась к назначенным себе обязанностям.

Спайк смотрел ей вслед, ощущая знакомое удивление.

Нет, ну ведь это ж была глупая идея. Шансы на то, что она вообще была там, были мизерными, было бессмысленно на что-то надеяться. Кроме того, после того, как он себя повел, она, вероятно, и видеть его не захочет.

...Но ему хотелось увидеть ее.

Со вздохом он взглянул на стоявшую на комодѐ вазу. Как и в прошлые семнадцать раз, за последние полчаса он проверил черную розу, которую она ему подарила, находившуюся между поникшими розовой, белой и красной.

Он прищурился и стиснул зубы.

Он решил. Он это сделает.

Собравшись, он направился вниз по лестнице. Солгав Твайлайт, что идет к Рэрити, он вышел за дверь.

Оказавшись вне стен библиотеки, он помчался в город по привычному маршруту, мимо Сахарного Уголка, Ратуши и Бутика Карусель. Он продолжил путь через лужайку за городом, остановившись на вершине знакомого холма.

Она появилась прежде, чем он успел усесться.

Она легла рядом с ним, так близко, что ее шерсть щекотала его чешуйки. Он подавил желание вздрогнуть.

Немного помедлив, он повернулся к ней спросить, почему она пришла, но в ту же секунду одернул себя. Родители Твайлайт всегда говорили, что не нужно задаваться вопросом, когда удача тебе улыбнулась, и с этим утверждением он совершенно не собирался спорить.

— Привет, что ты имела в виду раньше? Ну, знаешь, твои слова о том, чтобы о других пони помнили? — спросил он. Ему хотелось знать. Он должен это узнать. Это не давало ему покоя с тех пор как он покинул больницу почти пять часов назад.

Она повернулась к нему, ее слепые глаза смотрели прямо на него:

— Как долго ты проживешь, Спайк?

Он пожал плечами:

— Никто точно не знает. Большинство драконов живут несколько тысяч лет, думаю, это хорошая прикидка. Драконы живут долго.

Она повернулась и посмотрела вверх, потерявшись среди звезд в ночном небе:

— Тогда ты не будешь помнить обо мне.

Спайк поднял бровь.

— Через несколько тысяч лет уже никто не будет помнить меня, — сказала она. — Никто не будет помнить, кем я была и что я делала. С годами я с этим смирилась, но... Я не хочу, чтобы кто-либо еще с этим смирился. Я не хочу, чтоб кто-либо еще чувствовал то же, что и я. Поэтому я дарю им цветы. Если я покажу им свою заботу, если я дам понять, что хоть кому-то не все равно, они почувствуют, что о них не забывают. Они знают, что я помню их, поэтому они поймут, что про них не забудут.

— ...Ладно, кажется я понял, — сказал Спайк, кивая головой. — Почему тебя так волнует, будет ли тебя кто-то помнить, когда тебя уже не будет?

Она печально улыбнулась ему, затем повернулась в другую сторону. Она подняла цветок — кроваво-красную розу — и положила ее на колени дракона.

Затем, нежно ткнув носом в его лицо, она поднялась.

Спайк переводил взгляд на цветок и обратно:

— Но я не понимаю...

— В скором времени поймешь, — произнесла она. — И когда это случится, я хочу, чтобы ты пришел. Хорошо?

— Хорошо, — заикаясь, произнес Спайк.

Улыбнувшись, она развернулась и ушла, оставив Спайка одного.

У Спайка дернулся глаз.

Он посмотрел в сторону вазы с розами. Его глаз снова дернулся.

Прошло две недели. Две недели и ничего — ни цветов в больнице, ни встреч на вершине холма, и, самое ужасное — никаких ответов.

Он не находил себе покоя.

Каждая роза была своего цвета. Это не могло быть случайностью. Но... почему?

Как, зачем, почему? Почему она боится быть забытой? Зачем она пошла за ним на холм? С чего ей вообще дарить мне цветы?

Это не имело смысла.

Спайк изо всех сил пытался помешать глазу дернуться в третий раз.

Он резко прыгнул с кровати и побежал по лестнице.

— Мне нужно выйти, Твай. Скоро буду, — прокричал он.

— Хорошо, — ответила единорожка.

Спайк кивнул и вышел. Он сразу побежал, так быстро, будто старался достичь скорости света. Он был снарядом, неудержимой силой, несущейся по улицам Понивилля.

Налево. Направо. Налево. Поворачивая туда-сюда, он лавировал между пони и домами, сокращая маршрут.

Наконец он достиг дома. *Ее* дома.

Он остановился у двери и сглотнул. В холодное октябрьское утро неудержимая сила столкнулась с непреодолимым препятствием.

Собравшись, дракон нерешительно постучал в дверь. После томительной минуты ожидания, она со скрипом отворилась.

— Э-ээм, кто? Кто это? — спросила розовая кобылка, с мешками под глазами и чашкой кофе в копыте.

— Эмм, привет! Роузлак дома?

— Она, наверное, за домом, — ответила пони. — Ты можешь пойти и посмотреть, если хочешь.

Поблагодарив ее, Спайк метнулся за дом, дрожа от предвкушения и нерешительности.

Роузлак была в саду, присев, она выдергивала сорняки. Пони повела ухом, показывая, что слышала его, но не взглянула в его сторону.

— Эм, где ты была последние две недели?

— Здесь, — ответила она прямо, но не свысока. — Почему ты здесь?

— Я... происходящее у меня в голове не укладывается, — пробормотал он. — Просто... почему? Зачем эти цветы? И причем здесь я?

Она снисходительно посмотрела на него и тихонько хихикнула. Глядя на него большими, успокаивающими глазами, она сказала:

— Ты не ответил на мой вопрос, Спайк.

Он замер, и его взгляд опустился к земле. Ни в силах ничего сказать, он невнятно пробормотал:

— Я... я пришел потому что... потому что скучал по тебе.

Она, не говоря, ожидала продолжения.

Он сглотнул:

— Я полагаю, что скучал по тебе, потому что... потому что ты заставила меня чувствовать... чувствовать...

— ...Нужным? — закончила она.

Внезапно, что-то щелкнуло в уме Спайка. Его глаза засверкали как звездное небо, он прошептал:

— Святая Селестия.

Роузлак хихикнула восхитительным тихим смешком, заставляя сердце Спайка биться чаще.

Повисла тишина, и Спайк более уверенно произнес:

— Я... я хочу помочь.

— С чем?

— Со всем — с цветами, больницей, памятью... я хочу вместе с тобой помогать другим пони. Это самое малое, что я могу сделать.

Ее глаза казались более пустыми, чем обычно, когда она смотрела на него. Ее брови наморщились, нос и рот сложились в восхитительную ухмылку.

Спайк никогда прежде так не пугался.

Она вильнула хвостом и улыбнулась ему:

— Конечно, я не откажусь от помощи.

Спайк с широкой улыбкой и с охапкой цветов в руке шел вместе с Роузлак по больничному коридору. Они молчали — просто наслаждаясь великолепием тишины дружбы.

Затем они завернули в одну из комнат, и пожилой жеребец приветливо улыбнулся им.

— Так быстро вернулись? — сказал он. — Вы же только вчера заходили.

После нежного толчка от Роузлак, Спайк пошел к жеребцу, кладя на стол снежно-белую лилию, добавляя:

— И завтра вернемся.

Пони повернул свою голову и усмехнулся, однако смех быстро сменился сильным захлёбывающимся кашлем. Как только тот прекратился, он произнес:

— Спасибо вам за все, что вы делаете для пони в больнице. Вы... — другой порыв кашля прервал его. — ...вы помогаете большему количеству пони, чем можете себе представить.

Роузлак улыбнулась.

— Хотя, простите мое любопытство: почему цветы?

Спайк с улыбкой повернулся к Роузлак, она улыбнулась еще больше.

— Чтобы помнили, — произнес он, как будто ответ был ясен, как день.

После этого, Роузлак улыбнулась еще шире. Спайк отвернулся, его щеки вспыхнули подобно розам.

Святые аликорны, он полюбил больницы.

Чуть погодя они сидели на холме за Понивиллем. Она лежала, отдыхая, а Спайк, как на кресле, пристроился на ее боку.

— Знаешь, это довольно забавно, — сказал он.

Хоть слова были тихие и спокойные, но прозвучали достаточно сильно, чтобы разрушить внутренние стены, за которыми они скрывали свои истинные лица от тех, кто не понимал.

— Что ты имеешь в виду?

— Я, эм, — начал Спайк. — Я говорю о том, как мы встретились. О том моменте.

— Наша встреча была забавной?

— Нет, любопытно не как мы встретились, а что мы вообще встретились. Это ведь случайность. Меня просто раздирало любопытство — почему ты раздаешь цветы в больнице, вот я подошел и спросил. Это была случайность.

— ...Просто случайность?

Спайк кивнул:

— *Счастливый* случай.

Она улыбнулась ему.

И Спайк был счастлив.

В этот раз они были в саду. Она корпела над цветами, скрупулезно выдергивая сорняки и подрезая розовые кусты там, где они слишком сильно выросли.

Спайк стоял позади нее, держа в руках садовые принадлежности. Качая головой, он улыбнулся ей:

— Как ты вообще увлеклась садоводством?

Она лишь пожала плечами.

— Как это ты не помнишь? Мне кажется, о таких важных вещах просто так не забываешь.

Она пожала снова.

— Ох, ну хватит уже. Ради Селестии, это же твой особый талант!

Она повернулась и посмотрела на него. Ее глаза были большими, полными надежды, но все равно пустыми, может быть, даже больше, чем раньше. Она тепло ему улыбнулась:

— Мне жаль, но я не помню. Я была очень маленькой, и это просто... случилось.

Спайк ждал, когда она продолжит.

— Это тяжелый труд, но мне это нравится и отвлекает меня.

Спайк заинтересованно посмотрел на нее:

— Отвлекает? От чего?

Она печально улыбнулась ему, но больше ничего не ответила.

И тут его хорошее настроение как ветром сдуло.

Дверь библиотеки со скрипом отворилась, пропуская Спайка внутрь. Он уже было хотел отправиться наверх к себе, когда вдруг увидел её. За столом сидела Твайлайт Спаркл, на ее щеках были дорожки от слез.

— Твайлайт?

— С-спайк... можно т-тебя на минутку? — спросила она его, пытаясь сдержать слезы.

Ничего не говоря, Спайк побежал к ней и устроился рядом:

— Что произошло?

— Прости меня.

Он удивленно поднял на нее бровь:

— За что?

— За все, — выдавила она, стараясь впихнуть слова между всхлипываниями. — Р-р-роузлак заглядывала сюда и рассказала м-мне о том, что твоими чувствами пренебрегают. Что ты ощущаешь себя забытым...

У Спайка перехватило дыхание, казалось, что в груди все сдавило.

— Я... все в порядке, Твай. Я просто принимал все слишком близко к сердцу.

— Ничего не в порядке! — крикнула Твайлайт. — Я думала, что забочусь о тебе! Я должна быть твоим другом! Я, Селестия подери, Принцесса Дружбы! Я... я ужасная пони...

Спайк соскочил со своего стула и бросился к Твайлайт, крепко обняв ее: так, как только он умел.

— Твай, никогда так не говори. Ты отличная пони и еще лучшая Принцесса. Я знаю, последние несколько месяцев тебе было нелегко. У тебя так много друзей, немудрено запутаться. Все в порядке, честно.

Все так же всхлипывая, она обняла его крепче, сжав так сильно, что его глаза в любую секунду были готовы выпрыгнуть из орбит. Но в первую очередь, она обняла его так крепко, что он понял: она его действительно любит.

— Спасибо тебе, Спайк. Обещаю — больше этого не повторится.

Спайк слегка улыбнулся.

— Все нормально. С другой стороны, если бы этого не произошло, я никогда бы не нашел себе нового друга.

— Ах да... ну что ж, рада за тебя!.

— Может быть... может быть, просто друга... — прошептал он, глядя под ноги, — а возможно, это нечто большее...

— И кристальные пони все такие «Чтоооо?», а я типа «Да-да, я только что спас всех вас!». Ну а потом я у них был как король, но это ерунда, — похвастался Спайк, смахивая несуществующую пылинку с плеча.

Одновременно они разразились припадком неуправляемого смеха. Пони останавливались и бросали на них удивленные и неодобрительные взгляды, но им было все равно.

Они просто сильнее смеялись.

Спайк сидел на ее прилавке, она же была за ним. Она била копытом по прилавку, пытаясь остановить смех, но это было бесполезно.

— Спайк, ты смешной. Ты в курсе, да?

Спайк улыбнулся ей, и на мгновение у него перехватило дыхание. Его лицо густо покраснело.

— Ну да, я такой... наверное, — произнес он с ложным высокомерием.

Она смеялась, покачивая головой на его выходки:

— Я не знаю, что бы я без тебя делала, Спайк.

И с этой фразой, счастье Спайка кануло в лету.

Он поежился, но не от холода.

Той ночью звезды на небе ярко сияли для них. Они сидели на холме — своем холме, точно так же, как они это делали каждую ночь на протяжении последних четырех месяцев.

Но почему-то все было иным, Спайк это чувствовал.

Он медленно повернулся к ней. Он смотрел, но не узнавал Роузлак. Она была гораздо *лучше*, чем раньше. Он видел нежную, хрупкую кобылку с золотым сердцем. Лунный свет заставлял ее глаза искриться, и под ним ее шерстка будто горела огнем. Ее шелковистая грива, подобно небольшому ручью, ниспадала с головы и оборачивалась вокруг плеч — хорошему, приятному и освежающему.

Она была самым красивым созданием, что он видел.

На протяжении последних четырех месяцев он ежедневно ее видел. Сто двадцать три дня. Две тысячи девятьсот пятьдесят два часа. Сто семьдесят семь тысяч сто двадцать минут. Десять миллионов шестьсот двадцать семь тысяч двести секунд.

Спустя столько времени он не уставал смотреть на ее прекрасное лицо.

Почувствовав его взгляд, она повернулась к нему и улыбнулась.

Ему потребовались все силы, чтобы не сломаться и не убежать. Его сердце замерло, он не мог дышать.

После бесконечного ожидания, во время которого они просто смотрели друг на друга, она нервно наклонилась в его сторону.

Медленно и нерешительно он встретил ее порыв.

Как и многие первые поцелуи — этот был неуклюжим и неловким. И все же он много значил, сказав больше, чем можно было выразить словами.

После слишком краткого мгновения она отстранилась, ее щеки пылали, как розы. Спайк был уверен — что у него румянец был не хуже, но это его не заботило. Ничего не имело значения. Значение имели только он, она и главное - *они*.

Когда она ему слабо улыбнулась, Спайк готов был поклясться, что он мертв и это Дискорд разыгрывает с ним жестокую, ужасную шутку. Единственное, что убеждало его в обратном, было понимание, глубоко сидящее у него внутри: одновременно прекрасное и пугающее.

Понимание, что он *живой*.

Твайлайт бубнила о каких-то передовых научных понятиях, не обращая внимания на ресторан. Карамель, замерев в восхищении, сидел рядом, любяще смотря, как она всё гудела и гудела, так только одна Твайлайт и умеет. Роузлак с улыбкой смотрела на Карамеля, который наблюдал за Твайлайт, она наслаждалась теплом зарождающихся отношений. Спайк просто смотрел на Роузлак, которая наблюдала за другой парой, ему для счастья хватало того, что она счастлива.

Это было своеобразное двойное свидание... но это отнюдь не означало чего-то плохого.

Затем наступила тишина. Твайлайт прекратила говорить, и рядом, оказывается, уже стоял ещё один пони.

— Эм, сэр? — спросил официант глядя на Карамеля. — Вы меня слышите, сэр?

Карамель не обратил на официанта внимания. Он продолжал с любовью смотреть на Твайлайт, потерявшись в своем маленьком мире. Мире Твайлайт.

— Мм, Карамель? — произнесла Твайлайт, сопровождая слова небольшим толчком. — Ты будешь делать заказ?

— А, ч-ч-что? — сказал он, озираясь. Тонкая ниточка слюны сбегала по его щеке, будто он только что проснулся.

— Так ты будешь заказывать еду? — повторила Твайлайт.

Казалось, он только что заметил официанта. Тот снисходительно посмотрел на него, от чего румянец Карамеля стал еще ярче, если это вообще было возможно.

— М-м, я буду то же, что закажет Твайлайт, — пробормотал он.

Роузлак и Спайк, повернувшись друг к другу, обменялись понимающими взглядами и усмехнулись.

— Эй, не смейтесь над ним! — сказала Твайлайт, покрываясь румянцем. — Пусть это и могло показаться смешным, но смотрелось мило.

Карамель закрыл лицо копытами. Он густо покраснел всем телом, смотрелось это так, будто он в любую секунду может в буквальном смысле скончаться от стыда.

Внезапно взгляд Твайлайт встретился со взглядом Спайка, на ее лице показалась дьявольская улыбка:

— По крайней мере у Карамеля нет огромной груды мертвых роз, которые он хранит в своей комнате.

Глаза Спайка распахнулись, а челюсть отвисла. Ему хотелось умереть от смущения, лишь бы избежать этого разоблачительного свидания-катастрофы. На такое ему не стоило и надеяться.

Роузлак повернулась к нему, ее щеки слегка порозовели:

— Ты действительно сохранил все розы, что я тебе дарила?

Спайк кивнул. Он не верил, что способен сказать что-то уместное.

— Спайк, я дарила тебе розу каждый день с тех пор как мы впервые встретились. Это же почти двести роз! Ты, ты все их сохранил...?

Ухмылка Твайлайт стала еще шире:

— Все сто восемьдесят девять.

Он нервно кашлянул в руку, пытаясь замять разговор.

Она широко улыбнулась и повернулась к столу. В этот момент она смотрелась... более счастливой, чем обычно.

Официант, все это время за ними наблюдавший, просто вздохнул:

— Понедельники...

Трава была холодная, ночь еще холоднее, но ничто не могло погасить тепло в сердце Спайка.

Они сидели на холме так же, как обычно сидели ночью. Только в этот особенный момент звёзды, казалось, сверкали ещё ярче, и только для них. Они просто молчали и наблюдали за полуночниками Понивилля.

Порыв холодного ветра пролетел над вершиной холма, заставив их обоих поежиться.

Она подтянула Спайка поближе к себе, и он теснее прижался к ее теплому боку. Их совместный огонь прогнал холод.

— Эй, Спайк?

— Да?

— Будешь... будешь ли ты помнить меня, когда я уйду?

Спайк обеспокоенно на нее посмотрел. Она казалась такой отдаленной, будто что-то съедало ее изнутри. Он знал, что она ему ничего об этом не скажет, лучше даже и не спрашивать. Вместо этого он просто ответил на вопрос.

С улыбкой, прогоняя все опасения, что у него были, и нежно обняв ее за шею, он сказал:

— Я буду помнить тебя вечно и всегда... клянусь.

У Спайка едва хватило времени, чтобы вздохнуть, прежде чем ее губы соприкоснулись с его. Она прижала его еще плотнее, расширив страстный поцелуй.

Казалось прошло две вечности, прежде чем она отпустила задыхающегося Спайка и позволила ему вздохнуть.

— Прости! Я ничего такого не имела в виду... я просто хотела...

— Все в порядке, — усмехнувшись, произнес Спайк.

Помолчав мгновение, он улыбнулся ей.

Все было прекрасно.

На следующий день Спайк встал на рассвете, лениво потягиваясь под его нежными ласковыми лучами. С зевком, он спрыгнул с кровати и вышел из своей комнаты, но в холле он остановился. Если прислушаться, можно было услышать дыхание двух пони в комнате Твайлайт.

Спайк усмехнулся.

Так Карамель все-таки остался на ночь.

Он позволил своему смеху нестись через весь дом, греясь в тепле, которое приносил его смех. Насладившись этим мгновением, он пошел вниз, чтобы пройтись по привычной дороге к цветочной лавке.

Он быстро достиг своей цели и пружинистой походкой направился к двери. Постучав, он начал ждать, ему не терпелось увидеть ее счастливое лицо еще раз.

Через некоторое время дверь распахнулась, явив сломленную пони. Ее глаза были опухшими и покрасневшими, грива была спутана.

— Д-дэйзи? Что случилось?

— Ты... ты разве не слышал? — спросила она охрипшим от плача голосом.

— Что слышал? — спросил он. Невинность, с которой был задан вопрос, чуть было не вызвала у Дэйзи новый порыв слез.

— Р-роза... Ее не стало в середине этой ночи... ее больше нет...

— Что?

Да. Нет. Вверх. Вниз. Тьма. Свет. Все было неправильно. Он не мог дышать. Мысли путались. Только не это. Не здесь. Не сейчас. Все было кончено. Но ведь все только начиналось...

— Сестра Редхарт сказала, что она ушла мирно, и ей больше не больно. Теперь она в лучшем мире, Спайк.

Бороться. Сбежать. Замерзнуть. Проклятье, он не мог даже дышать. Мысли путались в голове. Жизнь. Смерть. Любовь. Ненависть. Ушла... она ушла. Огонь внутри него погас, и холод сковал сердце. Без слов, он окончательно сломался. Его сердце разбилось на миллион осколков, которые принадлежали ей...

— С-спайк? Ты меня слышишь?

Он бежал. Бежал так быстро, как только мог. Слезы застилали ему взор, но он все равно не останавливался. Он не мог остановиться. Ему не хотелось останавливаться. Он ни за что не остановился бы. Он бежал, пока ноги несли, и, отказав, аккуратно уронили его на очень холодную землю. Это было то место, где они были одним целым, где вся ложь мира

становилась правдой, где под ее любящим взглядом он стал драконом, которого стоило любить. То была их земля. Их холм. Их жизнь. Все кончено...

Он прижал колени к груди и позволил рыданию разрывать себя на части.

— Спайк? Это ты? О, Селестия, что же я наделала...

Он посмотрел вверх и увидел Дэйзи. Поток слез сбегал по ее щекам, но она слегка улыбалась ему.

Нерешительно она села рядом с ним:

— Спайк... мне жаль. Я думала, ты знаешь. Мне казалось, она тебе сказала.

Он посмотрел на нее, ожидая продолжения. Чтобы как-то прогнать тишину. Чтобы отложить правду. Да что угодно, лишь бы не ощущать ужасную действительность, что она, его настоящая любовь, была *мертва*.

— Она... она никогда не рассказывала тебе, почему ослепла, разве нет?

Он покачал головой.

— Несколько лет назад, когда она перестала видеть, мы пошли к врачу. Он обнаружил опухоль в мозге. Это... это и была причина ее слепоты, — еле слышно прошептала она. — Несколько месяцев назад опухоль начала давать метастазы. И, прошлой ночью... прошлой ночью, — она зарыдала, не в силах закончить.

Спайк посмотрел вверх, встречаясь с заплаканным взглядом:

— Но... я не... почему...

— Она не хотела, чтобы ты оплакивал ее, Спайк. Все цветы увядают со временем, и она знала об этом. Ей хотелось, чтобы ты продолжал жить, не цепляясь за прошлое, — сказала Дэйзи.

— Нет.

— Что?

— Я... я ей обещал. И я намерен сдержать обещание. Я... я буду помнить о ней всегда и вечно. Она... она заслужила этого... даже большего...

Дэйзи посмотрела на него с печальной улыбкой:

— Если... если ты захочешь поговорить, приходи ко мне, хорошо?

Спайк ничего не сказал.

Вздыхнув, она ушла. После этого слезы снова побежали по щекам дракона.

Он плакал.

Он плакал на похоронах Роузлак и в течение последующих лет.

Лил слезы во время церемонии вручения дипломов средней школы для меткоискателей и во время свадьбы Твайлайт и Карамеля. Он всегда переживал, никогда не забывая о той, с кем разделял свои чувства. Все, что они пережили.

С тех пор каждый день, без исключений, он обязательно повторял один ритуал.

После чая с Рэрити, или помощи Сестре Редхарт в больнице, он отправлялся на вершину холма. *Их* холма.

Каждый день он садился рядом с ее надгробием. И всегда клал цветок рядом с ее могилой — ярко-красную розу.

Он плакал каждый день, и улыбался через слезы, читая вслух надпись на могильном камне:

*«Покойся с миром, Роузлак:
пони, которую всегда будут помнить».*

И каждый день дарил ему улыбку, прогоняя слезы с глаз. Однажды, он это знал, они снова будут вместе. Всё, что от него требовалось — помнить.

Перевод: November Dragon

Редакторы: Alkarasu, Pum-Pon, Tromgar

Корректоры: Integro, Dblmec